

© 2024 г.

Е.А. ГРИГОРЬЕВА

АПОЛОГИЯ УТОПИИ: О ВОЗВРАЩЕНИИ УТОПИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЕ

ГРИГОРЬЕВА Екатерина Александровна – младший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (yreewda@gmail.com).

Аннотация. Утопическое мышление, стремление к идеалам, движение к прогрессу всегда лежали в основе картины мира. Социология, будучи продуктом эпохи модерна, обращаясь к социальному будущему, нередко прибегала к утопическим построениям. Однако для современного этапа ее развития характерно угасание интереса к этой теме. В статье обсуждаются причины снижения и эвристическая ценность интереса к утопическим построениям в социологическом теоретизировании, главным образом вследствие перехода к постмодернистским реалиям и общей критике утопий. Утверждается, что социологическая наука нуждается в ренессансе утопии как инструмента, способного предложить иное видение социального мира, сформулировать общественный идеал и приблизить его воплощение на практике. Сегодня отечественная социология не выдвигает социальный идеал, не указывает путь, а лишь фиксирует и объясняет происходящее в социальной реальности. Такое положение имеет практические последствия, потенциально ограничивающие способность социологической науки быть предписывающей и проактивной. В этой связи перед современными отечественными социологами стоит задача пробуждения утопического воображения в качестве компонента интеллектуальных усилий.

Ключевые слова: утопия • социальное будущее • социология теоретическая • социология российская • критическая теория

DOI: 10.31857/S0132162524040129

Введение. Конструирование миров, свободных от проблем реальной жизни, в том или ином виде происходит во многих культурах на протяжении истории человечества, – в виде мифов, легенд, религиозных писаний, политических идеологий, философских и социологических текстов. Хотя вымышленные миры серьезным образом отличаются по форме и содержанию, их появление в новых текстах позволяет ряду исследователей утверждать, что человеческой природе присуща склонность к утопическому мышлению [Bloch, 1986; Маркузе, 2004]. Прибегая к нему, люди выходят за рамки своего опыта, и, представляя себе нечто иное, лучшее чем то, что существует, таким образом выдвигают идеалы. Эти идеалы, следуя дюркгеймовскому пониманию, имеют коллективное социальное происхождение, изображают и обобщают социальную жизнь в ее лучшей форме и представляют собой двигатели общественного развития [Дюркгейм, 1991: 24–31].

Слово греческого происхождения «утопия» было применено в трудах английского философа и писателя Т. Мора и имеет двойственную этимологию: «приставка «ου» (отрицание, отвергающее факт, но не возможность факта) и корень «τόπος» (место, страна). Рождается коннотация – «страна (место), которой(-го) нет». При прочтении этого слова

на английский лад мы имеем омофон *eutopia* от др. греч. «εὖ» (благо) и того же корня «τόπος» [Мартынов, 2009: 163]. Тем самым в термине заложено указание на пространство и на состояние этого пространства – это место/страна не существует, вместе с тем оно (-а) блаженно (-а).

Ключевая особенность утопии – ее неосуществимость в настоящий момент. Совокупность факторов, которая препятствует реализации утопии на практике, Г. Маркузе обозначил как «незрелость социальной ситуации» [Маркузе, 2004: 19]. К. Мангейм предлагал придерживаться относительной трактовки утопии – понимать под утопией лишь ориентацию, которая представляется полностью неосуществимой представителям утвердившегося социального порядка [Мангейм, 1991: 113]. Это отрицание существования утопии здесь сейчас, но не отрицание потенциальной возможности ее существования, заложено в этимологии слова «утопия». Ощущение, что утопия осуществима, в каком-то смысле даже увеличивается, когда утописты уходят от повествований о далекой стране, характерных для ранних утопий (как у Т. Мора) и прибегают к повествованиям о будущем (Ш. Фурье, Э. Говард и более поздние авторы). Описывая время, которое не наступило, авторы заменяют территориальную недостижимость недостижимостью во времени. «Этого будущего еще нет, а значит, есть вероятность, что оно может появиться, если мы что-то для этого сделаем» [Bloch, 1964].

Отделяя утопию от текстов, где описаны события и технологии лучшего будущего, прошлого или альтернативного мира, обратимся к определению Л.Т. Сарджента, обобщающего исследования утопий в социальных науках: «несуществующее общество, подробно и последовательно описанное, локализованное во времени и пространстве, и организованное совершеннее, чем то общество, в котором живет автор» [Sargent, 2010: 6]. В широком смысле утопию можно понимать как «социальные мечтания» [Sargent, 1994: 3]. Так или иначе в утопических текстах присутствует диагноз болезней современного для автора общества вместе с более или менее продуманной схемой его преобразования и совершенствования. Цель такого текста состоит в том, чтобы убедить читателя не только в невыносимости настоящего, но и в том, что мы в силах изменить его – при правильной социальной организации может быть реализовано нечто, приближающееся к совершенству [Kumar, 2010: 556]. Кроме того, будучи выражением стремления к лучшему образу жизни, утопия может быть понята, по мнению Р. Левитас, как «секуляризованная версия духовного поиска», направленного на то, чтобы понять, «кто мы такие, почему мы здесь и как мы связаны друг с другом» [Levitas, 2007: 290].

К постановке вопроса. И хотя следы утопического мышления известны со времен Платона, расцвет такого рода социальных мечтаний приходится на эпоху модерна. По мере того как в обществе модерна возрастала убежденность, что у человечества есть необходимые интеллектуальные и материальные ресурсы, чтобы построить идеальное общество, утопия становилась сердцем модернистской картины мира. Ускоряющееся движение к неизвестному будущему таило надежду на осуществление утопии [Koselleck, 2004: XVIII]. Характерное для модерна слияние исторического и утопического мышления – историческая рефлексия, пронизанная реальным опытом, призвана критиковать утопические модели, в то время как утопическая рефлексия демонстрирует альтернативы и возможности, которые выходят за пределы исторической преемственности [Habermas, 1986], приводя к тому, что утопия становится одним из самых важных жанров модерна [Lowe, 2001: 11]. Рождались смелые и претенциозные идеи общественного преобразования; утопическое мышление было глубоким и утонченным. Утопия давала надежду на спокойствие, стабильность, порядок, лишенную неожиданностей последовательность причин и следствий – словом, на то, что требовалось обществу после пережитого разрушения старого порядка и привычных ландшафтов, революционных изменений.

Рожденная в пору зарождения модерна социология с начала своего существования прибегала к утопическим построениям при обращении к социальному будущему. Несмотря на то, что в социологической науке научный метод зачастую противопоставлялся

утопическому [Энгельс, 1961], мы обнаруживаем утопические социальные идеалы и альтернативы общественного устройства у О. Конта, К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, П. Сорокина, Э. Фромма, Ю. Хабермаса и др. Однако, начиная с середины XX в. (и эта тенденция сохраняется сегодня), отношение к утопии в научных кругах становится более осторожным, порой радикально негативным. Утопические контуры все реже появляются на страницах социологических текстов. Такому положению способствовал ряд социальных причин и социальных трансформаций, которые, обобщая, можно свести к следующим:

(1) Бурная критика утопий в середине XX в. в рамках дискурса конца идеологии. Утопическому воображению было трудно адаптироваться к разрушениям и трагедиям начала XX в., в то время как политологи возложили ответственность за мировые войны на утопические схемы [Siebers, 1994; Levitas, 2010]. Утопическое мышление воспринималось как инструмент политики и связывалось с идеологией насилия [Арон, 1955; Bell, 1965; Popper, 1986].

(2) Утрата веры в прогресс и социального оптимизма. С одной стороны, утопии подвергались критике и связывались с тоталитарными режимами, с другой, ужас мировых войн и социальных потрясений начала XX в. не позволял видеть будущее столь же оптимистично, как в эпоху раннего модерна [Shklar, 1969]. По мнению Т. Адорно, в глубине души все люди, независимо от того, признают они себе в этом или нет, знают, что всё в этом мире могло быть по-другому. Однако социальный аппарат стал настолько жестким по отношению к ним и ко всему миру, что даже осязаемые и очевидные, казалось бы, преобразования общественно-политического уклада представляются радикально невозможными¹.

(3) Критика Т. Парсонса. В рамках критики парсоновского структурного функционализма прозвучали обвинения в чрезмерном непродуктивном абстрагировании от социальной реальности [Миллс, 2001] и указания на то, что парсоновский синтез утопического видения общества с претензией на единственно верное такое видение носит пагубный характер и таит в себе большой ущерб для социологической науки [Дарендорф, 2002: 339]. Критики призывали обратиться к более реалистичным подходам к анализу социальных структур и процессов.

(4) Обесценивание результатов утопических преобразований, поскольку идеи, которые были реализованы, представляли в другом и зачастую упрощенном, адаптированном под возможности современного общества виде [Bloch, 1964].

(5) Оформление постмодернистского дискурса и провозглашение эпохи постмодерна. В новой реальности терпят крах утопии модерна, основанные на вере в возможность создания идеально упорядоченного, территориально замкнутого и стабильно счастливого общества. Об этом рассуждает З. Бауман. Социальные мечтания переместились в плоскость настоящего. Счастье теперь означает другое «сегодня», не более счастливое «завтра». Счастье теперь мыслится как цель, к которой нужно стремиться индивидуально, причем оно воспринимается, скорее, как череда счастливых моментов, не как устойчивое состояние. Счастье других, коллективное счастье больше не является условием счастья собственного [Bauman, 2003: 22–23]. Наконец, высшие ценности общества модерна (неподвижность, долговечность, постоянство) приобрели однозначно негативный оттенок. Счастье жителей эпохи постмодерна сопряжено с поиском новых впечатлений, и как только места становятся утомительно знакомыми, их ценность заметно уменьшается. Перспектива «неподвижности» и счастья в одном месте, прекращение мобильности и посещения альтернативных мест, где можно получить новые ощущения, выглядит неинтересной и скучной [Bauman, 2003]. И дело не только в том, что не осталось никаких хороших или смелых идей, за которые можно было бы бороться, но и в том, что их не может быть [Kumar, 1996].

¹ Adorno & Ernst Bloch – Möglichkeiten Der Utopie Heutestags 1964 (Radio-Debate, Südwestrundfunk, 1964) // Internet Archive. URL: <https://archive.org/details/AdornoErnstBloch-MglichkeitenDerUtopieHeutestags1964> (дата обращения: 07.06.2023).

(6) Институционализация деятельности носителей утопического мышления. Р. Джейкоби предложил понимать угасание утопического мышления в контексте «смерти интеллектуалов», поскольку судьба утопического видения всегда связана с судьбой интеллектуалов и независимых мыслителей. По мере того как бюрократия поглощает интеллектуальную жизнь, а ее границы распадаются на области и департаменты, интеллектуалы прибегают во имя прогресса к сужению рамок и менее всеобъемлющим концепциям [Jacoby, 1999]. Интеллектуальный труд стал институционализированным, как демонстрирует П. Бурдьё [Бурдьё, 2018]. Ранее независимые, мыслители становятся профессионалами. Но есть доля истины в том, что лишь тот, «чье воображение в меньшей степени ограничивается официальным учреждением или закрепленным законом имущественными правами, может действительно создать что-либо важное в области теории» [Манхейм, 2010: 581]. Будучи носителями утопических идей в прежние эпохи, интеллектуалы сегодня менее заметны на арене общественных дискуссий. «...немногие представляют себе будущее иначе, чем точной копией сегодняшнего дня – иногда лучше, но обычно хуже» [Jacoby, 1999: XII]. Р. Джейкоби обозначил происходящий сдвиг как движение от утопии к миопии и иронично называет «мудростью нашего времени» консенсус относительно того, что альтернатив больше нет.

Указанные причины главным образом привели к угасанию интереса социологов (не только их) к построению утопических моделей [Habermas, 1986; Jacoby, 1999]. Сторонники и союзники утопии направили свое утопическое мышление в сторону продолжения существующих тенденций. Ряд авторов предложили перейти от утопического мышления к «утопическому реализму» [Гидденс, 2011], от утопизма к «утопистике» [Wallerstein, 1998], от утопий абстрактных к «утопиям реальным» [Буравой, Райт, 2011]. Каждый из этих переходов предполагает ориентацию на развитие практически реализуемых институциональных планов, способных привести общество к возможному лучшему будущему. Отдельные исследователи замечали, что постмодерн, тем не менее, не поддается вновь обозначенному утопическому импульсу [Vieira, 1993]. Наконец, наш вопрос: *продуктивно ли для социологической теории существенное снижение утопических амбиций, в ряде случаев полный отказ от утопического?*

Эвристическая ценность утопических построений в социологической теории. Защитники утопии в XX и XXI вв., под натиском серьезных претензий к ней и губительных для нее социальных трансформаций, подчеркивали значение утопического для общества и науки. Далее мы будем опираться на пласт исследований социально-утопических идеалов, выполненных преимущественно в неомарксистской логике. В рамках данного направления накоплен материал по исследованию развития утопических идей, которые традиционно и небеспричинно ассоциируют с левым движением. Он оформлен в западной социологии в виде отдельной научной дисциплины *Utopian studies*, возникшей в 1970-е гг. Представляется, что утопические построения могут и должны быть включены (скорее, возвращены) в основное «тело» социологической теории, поскольку есть ряд значимых для нашей науки функциональных преимуществ подобных построений:

(1) Утопии выражают стремления к лучшему укладу общественной жизни, и в конечном счете *учат желать лучшего, желать большего и, прежде всего, желать по-другому*. Эта функция может быть названа «воспитанием желания» и лежит в основе многих определений утопий [Thompson, 1977; Levitas, 2010; Abensour, 2017]. Страстное желание – полагал Э. Блох, – является универсальным и единственным искренним чувством человеческих существ [Bloch, 1964].

(2) Утопии являют собой *ориентир и пример*, к которому нужно стремиться. В этом смысле они действуют дейктически, как своего рода «жест указания» [Suvin, 1979: 37] или как «общественный маршрут» возможных улучшений мира [Блох, 1991: 50–51]. Они выступают регулирующим идеалом, на который должны быть ориентированы изменения в реальном мире.

(3) Утопия – это критика существующего порядка. Следуя неомарксистской логике, необходимо подчеркнуть, что в первую очередь именно критический потенциал составляет эвристическую ценность утопических построений. Такого рода критика предполагает определенное отрицание существующего порядка или, как формулировал Д. Сувин, «историческое отчуждение» [Suvin, 1979: 49]. В этом смысле концепции радикально иного общественного устройства становятся шокирующим и «дистанцирующим» зеркалом привычной социальной реальности. В своей основе они обязательно содержат явную или неявную отсылку к эмпирической среде автора, без которой сложно осознать новизну альтернативы [Suvin, 1979: 53]. Отрицание того, что существует, всегда указывает на то, что должно быть. Истинное определяется ложным. «Как бы ни мало мы знали о том, что было бы правильным, мы точно знаем, что такое ложь» [Bloch, 1964]. Поэтому утопии в руках ученого становятся «инструментом против реальности» [Abensour, 2017], которая представляется безальтернативной.

(4) Будучи критикой существующего и ориентиром для будущего, утопии заставляют реальную социальную практику двигаться вперед и становятся катализатором лучшего будущего, стимулируют перемены [Levitas, 2000]. Различая утопии абстрактные и утопии конкретные, Э. Блох утверждал, что внимания заслуживают конкретные утопии, содержащие в своей основе скрытые тенденции развития. Такие утопии характеризуются «воинствующим оптимизмом», ориентированы на практику и отсылают к зарождающемуся будущему [Bloch, 1986: 146]. Аналогично рассуждают Э.О. Райт, Э. Гидденс и др., предлагая обращаться к «утопическому реализму», «реальным утопиям». Возможное с практической точки зрения прежде всего возникает в рамках человеческого воображения: «Самореализующиеся пророчества – это могущественные силы в истории, и хотя может быть наивно оптимистично утверждать, что “где есть воля, там есть и способ”, безусловно верно, что без “воли” многие “способы становятся” невозможными» [Wright, 2010: 6].

Утопии и утопические построения опосредуют новое, предвосхищают его и во многом представляют собой своеобразные интеллектуальные эксперименты, позволяющие в воображаемых моделях опробовать новые идеи и прогнозировать возможные последствия их реализации. Как писал классик, «критик может, следовательно, взять за исходную точку всякую форму теоретического и практического сознания и из собственных форм существующей действительности развить истинную действительность как ее должествование и конечную цель <...> При этом окажется, что мир давно уже грезит о предмете, которым можно действительно овладеть, только осознав его» [Маркс, 1955: 380–381].

(5) Наконец, утопии могут рассматриваться как метод. Такое видение было предложено в 1906 г. на открытии социологического общества в Лондоне английским писателем-фантастом Г. Уэллсом: «На самом деле я думаю, что создание утопий – и их исчерпывающая критика – является правильным и отличительным методом социологии» [Wells, 1906: 367]. И в той мере, в какой сама социология критически относится к реально существующему миру, она содержит (хотя часто подавляет) надежду на преобразование мира и его образ – скрытую утопию [Levitas, 2013: 44]. В свете развития подходов, предполагающих обращение к утопии как к инструменту и методу, современные авторы снимают вопрос, может ли утопия быть реализована на практике: «Утопия не может быть реализована или не реализована на практике – ее можно только применять»². Утопия, следовательно, эвристический прием достижения совершенства.

Дискуссия. Потребность в осмыслении будущего всегда находила отражение в прогностической функции социологии. Безусловно, развитие социологии не может быть полноценным, если внимание исследователей приковано к перцепции и изучению настоящего. Образ социального будущего, который предлагает социология, в первом приближении может быть сформирован прогнозами и моделированием на основе существующих

² Ruyer R. Chapter One: The Utopian Genre // Speculative Heresy. URL: <https://speculativeheresy.wordpress.com/2009/01/21/343/> (дата обращения: 07.06.2023).

тенденций. По этому пути, по всей видимости, развивается современная отечественная социологическая мысль о будущем. Однако социология обладает необходимым инструментарием формирования альтернативных сценариев общественного развития, в том числе с применением утопических конструкций, которые могли бы предложить уход от недугов текущего социального устройства в иное видение, видение лучшего общества, к которому необходимо стремиться. «Так называемые утопические возможности вовсе не утопичны» [Маркузе, 2004: 23] – они представляют собой решительное социально-историческое отрицание существующего, которое требует реального прагматического противодействия и осознания существования сил, препятствующих осуществлению этих возможностей. Формирование альтернативных образов российского будущего могло бы способствовать налаживанию диалога элит и общества, повышению качества принимаемых управленческими решениями, формированию уверенности в том, что в будущем наше общество будет способно ответить на вызовы [Волков, 2020: 11]. В конце концов, социология по природе с самого своего возникновения занималась формированием проекта изменения социального мира [Иванов, Асочаков, 2016], не только объяснением существующего и прогнозами развития имеющихся тенденций.

Однако утопический дух, ощущение того, что будущее может превзойти настоящее, по всей видимости, иссякает [Jacoby, 1999]. Страсть к достижению общественных идеалов и лучшему миропорядку, присущая тем, кто посвящает жизнь социологии, оформляется в «более приземленные цели получения знаков научного отличия» [Буравой, 2008: 10]. В современной России, где утопия была претворена в жизнь, утопизм отторгают во всем [Романовский, 2015]; отечественная социология сегодня не предлагает альтернативный образ будущего. Отказываясь от утопических контуров, социологическая наука перестает предлагать видение иного лучшего мира, перестает давать социальные идеалы, в конечном счете сводясь к фиксации существующей реальности и предсказанию того, что может произойти при сохранении существующих процессов. В данной связи некоторые лидеры международного социологического сообщества задают исследовательскую повестку, в которой социальное будущее и перспектива лучшего общества становятся ключевым предметом [Буравой, 2008]. Более того, в условиях серьезных социальных потрясений и трансформаций обращение к утопическим идеалам является не просто академическим упражнением, но практическим императивом. Учитывая эвристическую ценность утопических построений, представляется, что перспективной задачей отечественной социологии сегодня является обращение к утопическому воображению и формирование с его помощью альтернатив российского будущего, предложение путей к достижению общественного идеала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арон Р. Опиум интеллектуалов. М.: АСТ, 1955.
- Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. С. 49–78.
- Буравой М. За публичную социологию // Общественная роль социологии / Под ред. П. Романова, Е. Ярославской-Смирновой. М.: Вариант, 2008. С. 8–51.
- Буравой М., Райт Э. О. Социологический марксизм (Часть II) // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 26–38.
- Бурдые П. Homo academicus. М.: Ин-т Гайдара, 2018.
- Волков Ю. Г. Социология будущего: социологическое знание и социальный проект. М.: КноРус, 2020.
- Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011.
- Дарендорф Р. Тропы из утопии. К новой ориентации социологического анализа. М.: Праксис, 2002.
- Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 106–114.
- Иванов Д. В., Асочаков Ю. В. Социальное будущее в перспективе диалектической теории // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 3–12.

- Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. С. 113–170.
- Мангейм К. Избранное: Диагноз нашего времени. М.: Говорящая книга, 2010.
- Маркс К. Письма из «Deutsch-Franzoesische Jahrbuecher» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 371–381.
- Маркузе Г. Конец утопии // Логос. 2004. Т. 6. № 45. С. 18–23.
- Мартынов Д.Е. К рассмотрению семантической эволюции понятия “утопия” // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 162–171.
- Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М.: NOTA BENE, 2001.
- Романовский Н.В. Будущее как проблема современной социологии // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 13–22.
- Чаликова В.А. Предисловие // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс. 1991. С. 3–21.
- Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 185–230.
- Abensour M. Utopia from Thomas More to Walter Benjamin. MacKenzie, Minneapolis: Univocal Publishing. 2017.
- Bauman Z. Utopia with no topos // History of the human sciences. 2003. Vol. 16. No. 1. P. 11–25.
- Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. N. Y.: Free Press, 1965.
- Bloch E. The Principle of Hope. 3 vols. Oxford: Basil Blackwell, 1986.
- Habermas J. The new obscurity: The crisis of the welfare state and the exhaustion of utopian energies // Philosophy & Social Criticism. 1986. Vol. 11. No. 2. P. 1–18.
- Jacoby R. The end of utopia: politics and culture in an age of apathy. N. Y.: Basic Books, 1999.
- Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time. N. Y.: Columbia University Press, 2004.
- Kumar K. From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theory of the Contemporary World. Oxford: Blackwell, 1996.
- Kumar K. The ends of utopia // New Literary History. 2010. Vol. 41.No. 3. P. 54–569.
- Levitas R. For utopia: The (limits of the) utopian function in late capitalist society // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2000. Vol. 3. No. 2–3. P. 25–43.
- Levitas R. Looking for the blue: The necessity of utopia // Journal of Political Ideologies. 2007. Vol. 12. No. 3. P. 289–306.
- Levitas R. Some varieties of utopian method // Irish Journal of Sociology. 2013. Vol. 21. No. 2. P. 41–50.
- Levitas R. The Concept of Utopia. Vol. 3. Peter Lang, 2010.
- Lowe L. Utopia and modernity: Some observations from the border // Rethinking Marxism. 2001. Vol. 13. No. 2. P. 10–18.
- Popper K.R. Utopia and violence // World Affairs. 1986. Vol. 149. No. 1. P. 3–9.
- Sargent L.T. The three faces of utopianism revisited // Utopian studies. 1994. Vol. 5. No. 1. P. 1–37.
- Sargent L.T. Utopianism: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Shklar J.N. After Utopia: the decline of political faith. Princeton: Princeton University Press, 1969.
- Siebers T. What Does Postmodernism Want? Utopia // Heterotopia: Postmodern Utopia and the Body Politic/ Ed. by T. Siebers. University of Michigan Press, 1994. P. 1–39.
- Suvin D. Metamorphoses of Science Fiction. New Haven, L.: Yale University Press, 1979.
- Thompson E.P. William Morris: Romantic to Revolutionary. L.: Merlin, 1977.
- Vieira G.C. No place for Utopia: Postmodern Theory and The white hotel // Utopian Studies. 1993. Vol. 4. No. 2. P. 117–127.
- Wallerstein I. Utopistics: Or, historical choices of the twenty-first century. N. Y.: The New Press, 1998.
- Wells H.G. The So-Called Science of Sociology // The Sociological Review. 1906. No. 1. P. 357–369.
- Wright E.O. Envisioning Real Utopias. L., N. Y.: Verso, 2010.

Статья поступила: 29.01.24. Финальная версия: 07.04.24. Статья принята к публикации: 07.04.24.

AN APOLOGY FOR UTOPIA: ON THE RETURN OF UTOPIAN CONSTRUCTIONS TO THE MAINSTREAM SOCIOLOGICAL THEORIZING

GRIGOREVA E.A.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Ekaterina A. GRIGOREVA, Junior Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (yreewda@gmail.com).

Abstract. Utopian thought, the aspiration toward idealized conditions, and the progression toward advancement have historically constituted a cornerstone of the modernist ethos. Sociology, as an intellectual offspring of the modern epoch, has inherently engaged with utopian constructs – directing its gaze towards conceivable societal futures. In the current era where global challenges – such as climate change, social inequality, and populist political movements – present complex social problems, the relevance of utopian thinking in sociology is underscored as a tool for envisioning transformative solutions. Nonetheless, contemporary developments within the discipline signal a marked attenuation of utopian fervor. This paper scrutinizes the factors contributing to the diminished enthusiasm for utopian speculations within sociological theory. The decline is largely attributed to a shift towards postmodern paradigms, characterized by skepticism towards grand narratives and a pervasive mid-20th-century critique of utopianism. Despite this, the heuristic value of utopian thinking as a methodological instrument for social analysis remains substantial. The central thesis advocates for a resurgence of utopian thought within sociological inquiry, proposing that its restoration functions as a potent critical apparatus. Amid pressing societal crises, sociological engagement with utopian ideals is not merely an academic exercise but a practical imperative. It empowers the discipline to envision alternative social configurations, articulate social aspirations, and pragmatically approach their realization. Utopian thought can stimulate innovative policy-making, encourage societal engagement, and help construct resilient social systems in the face of adversity. Presently, Russian sociology, reflective of broader global sociological trends, does not proffer a societal ideal, hence it navigates without direction, merely mapping and interpreting the existing social landscape. This trajectory has practical implications, potentially limiting the discipline's ability to be prescriptive and proactive. Confronted with this reality, Russian sociologists – and the discipline more broadly – are urged to rekindle the utopian imagination as a pivotal component of their intellectual endeavor. In doing so, they may foster a renewed sense of direction and purpose in the discipline of sociology, making it all the more pertinent in addressing the multifaceted complexities of today's world.

Keywords: utopia, social future, theoretical sociology, Russian sociology, critical theory.

REFERENCES

- Abensour M. (2017) *Utopia from Thomas More to Walter Benjamin*. MacKenzie, Minneapolis: Univocal Publishing.
- Aron R. (1955) *The Opium of the Intellectuals*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Bauman Z. (2007) Utopia with no topos. *History of the human sciences*. Vol. 16. No. 1: 11–25.
- Bell D. (1965) *The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. New York: Free Press.
- Bloch E. (1986) *The Principle of Hope*. 3 vols. Oxford: Basil Blackwell.
- Bloch E. (1991) The Principle of Hope. In: *Utopia and Utopian Thinking: an Anthology of foreign literature*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Bourdieu P. (2018) *Homo academicus*. Moscow: In-t Gajdara. (In Russ.)
- Burawoy M. (2008) For Public Sociology. In: Romanov P., Yarskaya-Smirnova E. (ed.) *The social role of sociology*. Moscow: Variant. (In Russ.)
- Burawoy M., Wright E.O. (2011) Sociological marxism (Part II). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 26–38. (In Russ.)
- Chalikova V.A. (1991) Preface. In: *Utopia and Utopian Thinking: an Anthology of foreign literature*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Dahrendorf R. (2002) *Trails from Utopia. Towards a new orientation of sociological analysis*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Dyurkgejm E. (1991) Value and real judgments. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological studies]. No. 2: 106–114. (In Russ.)

- Engels F. (1961) The development of socialism from utopia to science. In: Engels F., Marx K. *Sochineniya*. Vol. 19. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Giddens A. (2011) *The Consequences of Modernity*. Moscow: Praksis. (In Russ.)
- Habermas J. (1986) The new obscurity: The crisis of the welfare state and the exhaustion of utopian energies. *Philosophy & Social Criticism*. Vol. 11. No. 2: 1–18.
- Ivanov D.V., Asochakov YU.V. (2016) The social future in the perspective of dialectical theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 3–12. (In Russ.)
- Jacoby R. (1999) *The end of utopia: politics and culture in an age of apathy*. New York: Basic Books.
- Koselleck R. (2004) *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. New York: Columbia University Press.
- Kumar K. (1996) *From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theory of the Contemporary World*. Oxford: Blackwell.
- Kumar K. (2010) The ends of utopia. *New Literary History*. Vol. 41. No. 3: 549–569.
- Levitas R. (2000) For utopia: The (limits of the) utopian function in late capitalist society. *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. Vol. 3. No. 2–3: 25–43.
- Levitas R. (2007) Looking for the blue: The necessity of utopia. *Journal of Political Ideologies*. Vol. 12. No. 3: 289–306.
- Levitas R. (2010) *The Concept of Utopia*. Peter Lang.
- Levitas R. (2013) Some varieties of utopian method. *Irish Journal of Sociology*. Vol. 21. No. 2: 41–50.
- Lowe L. (2001) Utopia and modernity: Some observations from the border. *Rethinking Marxism*. Vol. 13. No. 2: 10–18.
- Mannheim K. (1991) Ideology and utopia. In: *Utopia and Utopian Thinking: an Anthology of foreign literature*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Mannheim K. (2010) *Selected works: the diagnosis of our time*. Moscow: Govoryashchaya kniga. (In Russ.)
- Marcuse H. (2004) The end of utopia. *Logos*. Vol. 6. No. 45: 18–23. (In Russ.)
- Martynov D.E. (2009) To consider the semantic evolution of the concept of utopia. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 5: 162–171. (In Russ.)
- Marx K. (1955) Letters from «Deutsch-Französische Jahrbücher». In: Marx K., Engels F. *Sochineniya*. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Mills Ch.W. (2001) *The sociological imagination*. Moscow: NOTA BENE. (In Russ.)
- Popper K.R. (1986) Utopia and violence. *World Affs*. Vol. 149. No. 1: 3–9.
- Romanovskiy N.V. (2015) The future as a problem of modern sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 11: 13–22. (In Russ.)
- Sargent L.T. (1994) The three faces of utopianism revisited. *Utopian studies*. Vol. 5. No. 1: 1–37.
- Sargent L.T. (2010) *Utopianism: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Shklar J.N. (1969) *After Utopia: the decline of political faith*. Princeton: Princeton University Press.
- Siebers T. (1994) What Does Postmodernism Want? Utopia. In: Siebers T. (ed.) *Heterotopia: Postmodern Utopia and the Body Politic*. University of Michigan Press: 1–39.
- Suvin D. (1979) *Metamorphoses of Science Fiction*. New Haven, London: Yale University Press.
- Thompson E.P. (1993) *William Morris: Romantic to Revolutionary*. London: Merlin, 1977.
- Vieira G.C. (1993) No place for Utopia: Postmodern Theory and The white hotel. *Utopian Studies*. Vol. 4. No. 2: 117–127.
- Volkov Yu.G. (2020) *Sociology of the Future: sociological knowledge and social project*. Moscow: KnoRus. (In Russ.)
- Wallerstein I. (1998) *Utopistics: Or, historical choices of the twenty-first century*. New York: The New Press.
- Wells H.G. (1906) The So-Called Science of Sociology. *The Sociological Review*. No. 1: 357–369.
- Wright E.O. (2010) *Envisioning Real Utopias*. London, New York: Verso Books.

Received: 29.01.24. Final version: 07.04.24. Accepted: 07.04.23.